

ГЕННАДИЙ ПИСКАРЁВ

**ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ
ВЗГЛЯДОМ**

Геннадий Александрович Пискарев

Под пристальным взглядом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725751

Геннадий Пискарев. Под пристальным взглядом: ПРОБЕЛ-2000;

Москва; 2010

ISBN 978-5-98604-216-9

Аннотация

Эта книга о людях, прошедших войну, и для кого годы лихолетья – не просто даты, а вехи общей судьбы с народом и страной, прошитой смертельными пулевыми нитями. Персонажи книги не вымышленные литературные герои, а реальные воины и труженики тыла. Автор рассказывает о них с необычайной страстью и какой-то особенной правдой. Но книга не только о подвиге тех, кто ковал и одержал победу над гитлеровской Германией и её саттелитами. Это «не только» – горькие публицистические заметки об упадке мощи Советской Армии, происшедшей в результате потешных реформ конца 80-х, начала 90-х годов прошлого века. Речь идёт также о чеченской драме и многом другом, что представляет особый интерес.

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть I	7
Под пристальным взглядом	7
Салют	17
Лес шумит	21
Дорога в Орловку	26
Подарок невестке	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Геннадий Александрович
Пискарёв**

Под пристальным взглядом

© Пискарёв Г.А., 2010

* * *

Вместо предисловия

В строю бессмертных

Автор книги, не участник войны, писал о людях войны в мирное время. Его герои в основном простые обыкновенные люди, которые в общем-то не были окружены особым вниманием, а сами не рвались на трибуны и митинги. Но все они видели в лицо самую страшную в истории человеческую бойню, нередко собственной смертью попирая смерть. О них, о их чувствах и думах с предельной честностью поведал писатель читателю, пусть даже в виде небольших зарисовок и заметок не из «фронтового блокнота». Тихие его герои были жертвами и истинными творцами истории. Они с полным основанием могли бы повторить слова Константина Симонова: «Да, нам далась победа нелегко. Да, враг был храбр. Тем больше наша слава!» И уж, конечно, они по праву должны занять достойное место в строю бессмертных.

Автор книги стремится донести до читателя так же ещё одну не мало важную мысль. Россия две трети своей истории провела в сражениях. Обескровленная, опустошённая, она не раз оказывалась после них на краю гибели. Во всяком случае злорадных пророчеств и поминальных слов со стороны малодушных граждан и ворогов на этот счёт хватало в избытке.

Но Россия не погибла!

По воле Божьей, согласно утверждению великого русского философа Ивана Ильина, страна умела «незримо возродиться в зримом умирании».

Далёкое прошлое – славное и трагическое, сегодняшний нелёгкий день – неопровержимое подтверждение этого удивительного опыта.

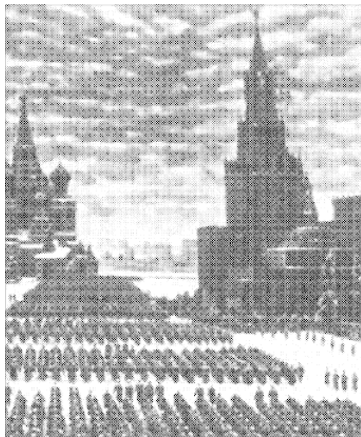
Абубакар АРСАМАКОВ

президент Московского индустриального банка

Часть I

За что боролись

*О том ли речь, страна родная,
Каких и скольких сыновей
Не досчиталась ты, рыдая,
Под гром победных батарей!*
Александр Твардовский

Под пристальным взглядом

Они, оставшиеся в живых моряки с недавно подорвавшегося на mine тральщика, шли в атаку в бескозырках и наспех

натянутых поверх полосатых рубашек защитных гимнастеровках. Краснофлотец Михаил Пискарев бежал впереди с автоматом наперевес, крича какие-то отчаянные слова, и, как во сне, не слышал своего голоса. Вдруг желтые брызги, выскользившие из ствола фашистского пулемета, хлестнули, будто осколки разбившегося солнца, по широкой его груди и он упал лицом в жесткую, зеленую от злости траву.

Он смотрел на меня в детстве каждое утро с фотографии, висевшей на янтарной сосновой переборке дедова дома, куда в летнюю сенокосную пору, чтобы я не остался без надзора, меня еще с вечера приводила мать. Его фотография среди многих других висела первой. Видимо, потому, что погиб он первым из шестерых дедовых сыновей. Остальные пятеро потом – кто на родной советской земле, а кто и за пограничными столбами Отечества, освобождая народы Европы от гитлеровского ярма.

Шесть братьев, шесть дедовых сыновей, один из которых мой отец, – в числе двадцати семи миллионов... Огромны потери, огромны печаль и скорбь. Огромна и память. Память народа, каждой нашей семьи, каждого человека.

Не каждого из нас непосредственно обожгла война, но в нашем селе жили дети изнуренного блокадного Ленинграда, на наших глазах почтальоны приносили солдатские треугольники и казенные конверты, из которых так часто выпадало бездонное горе. И видели мы, как даже на слезы не было отпущено времени тогда нашим старшим сестрам и ма-

терям, отдающим последние силы фронту. Онемевшими от безумного горя увидели их после войны стоящими у железнодорожных перронов, мимо которых шли поезда, несущие счастье победы и великую радость встречи кому-то из жен и мужей, женихов и невест, отцов и детей.

Не каждого из нас непосредственно обожгла война, но отблеск ее кровавый есть в лицах и наших. Каждого жжет память о невернувшихся с фронта.

– И вдвойне она жжет того, кто прошел войну и остался живым, – это сказал мне как-то человек легендарной биографии, один из первых председателей двадцатипятипятитысячников Михаил Федорович Ткач. Прошедший горнило войны, тяжело израненный, он и в тогдашние свои 79 лет оставался в строю – по-прежнему возглавлял колхоз. И как! Хозяйство его считалось одним из лучших в округе, а сам он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Не память ли о погибших товарищах давала силу этому человеку, заставляя его работать с завидной энергией и упорством? И не в этом ли виделись нам истоки величия нашего, гордости и уверенности? Не случайно сказал мне уже сын Михаила Федоровича – колхозный бригадир, Ткач Валерий:

– Я понял и сердцем принял выкованные суровым временем и испытаниями отцовские принципы величайшего трудолюбия и беззаветного служения Родине. Он не мыслил жизни без них и мне, молодому, без них не прожить.

Под пристальным взглядом живых и мертвых фронто-

виков росло и мужало послевоенное поколение. Под этим взглядом, пронзающим толщу лет, росли и мужали наши ребята. Недавно мы провожали в армию правнука Михаила Ткача. Понятно, плакала в преддверии долгой разлуки мать, грустили девчонки, родные. Но поднялся отец и сказал:

– Это что же такое, друзья? Почему я не вижу радости? Это ведь счастье, что нас сыновья защищать уходят.

Счастье сыновней защиты... Какие высокие мысли! Какие слова! Услышьте, услышьте их заокеанские господа, толкающие своих наймитов, оснащенных ядерным оружием, поближе к нашим границам, услышьте голос простого человека, провожающего в армию родного сына. В нем гордость, надежда и вера: не быть нашей земле поруганной, поработанной, ибо в жилах ее защитников течет кровь истинных патриотов Отечества, знающих кого и что они охраняют.

В двух мировых войнах территорию Соединенных штатов Америки, скажем, не затронул пожар разрушения. А нас? Быть может, кто-то, кривясь в циничной ухмылке, заявит: «То было давно, молодежи не памятно». Ой, ли! Спросите тогда хотя бы об этом у трех братьев солдат: Николая, Владимира и Александра – сыновей Марии Григорьевны Яковенко, той, что двенадцатилетней девочкой пережила кровавую трагедию родного села Козари, где 11 марта 1943 года фашисты сожгли 4800 мирных жителей. Спросите – она вам расскажет, как гнали ее с матерью, отцом-инвалидом и двумя братишками, такими же, как она, малышами тем мартов-

ским утром в огромный сарай посреди деревни, в котором уже лежали сотни и сотни трупов женщин, стариков и детей. Она вам расскажет, как заслонила мамка грудью ее и она, девчушка, упала, под тяжестью мертвого материнского тела, обняв брата Федю. Единственная из всех выползла она из этого, уже горящего сарая во двор и вытащила с собою живого, но раненого Федюшку, спряталась в погребе. А ночью, по мартовскому снегу, в одном платьице ползла с ним к скирде сена на опушке леса. Она вам расскажет, как до утра с ладошек талой водой из лужи поила она братишку, метавшегося в бреду и умершего на рассвете.

– Нет, я не кричала тогда от страха, – говорит она мне, оправляя рушник на портретах отца, матери, братьев. – Но до сего дня кричу и рыдаю во сне. И снится вот уже сколько лет одно и тоже: утро – ясное, ясное. И мы, папа, мама, братцы, идем под конвоем. И... просыпаюсь в холодном поту. До сих пор не могу смотреть кино про войну, слышать выстрелы. Мне плохо бывает от вида огня. Да будь же ты проклята, война, и кто ее затевает.

Так неужели она, не говорила об этом своим сыновьям – солдатам? Говорила. Еще и как! И не где-нибудь, а у кургана памяти жертвам фашизма, который вот уже несколько лет насыпает в центре села местный учитель Алексей Давыдович Щербак. Стар уже этот человек, но дав обет создать необычный памятник погибшим в войну землякам собственными руками, работает он упорно, без выходных и отпусков один,

вручную таская землю на возвышающуюся над парком (посаженным им же) вершину величественного сооружения. Постарайтесь, хоть на минуту задуматься над этим всем, господа. Кого вы хотите обвинить в подстрекательстве к войне и кого хотите вы запугать.

Мы уверены в себе, сильны братской дружбой народов нашей страны, их великим духом единения, верностью заветам отцов. Вам еще, видимо, кажется странным, как это казалось и Гитлеру, что существует общность между народами, бескорыстная дружба и братство. Но мы это знаем прекрасно, как и все народности и национальности бывшего Советского Союза. Это знают наши хлеборобы и рабочие, ученые и солдаты. Каждый из них может назвать десятки свидетельств окрыленности этой дружбой, верности ей. Я приведу один – о нем мне поведал когда-то Сурен Саркисович Арутюнян, директор одного армянского предприятия. Ранняя юность Сурена тоже была опалена войной. Ушел на фронт со скамьи десятого класса. Служил в интернациональном полку, где были русские и белорусы, украинцы и азербайджанцы, армяне и грузины. Бывал в переделках разных. Но не них акцентировал он свой рассказ в беседе со мной, а на общенациональной спайке, что царила в их части. И вот тот пример:

– Попал наш взвод в окружение. В сумятице кое-кто потерялся, собирались потом, объединяли оставшиеся съестные припасы, делили на всех поровну, в том числе и на тех, кого не было в данный момент. Их долю хранить раздавали

другим. Мне выдали паек на украинца Горняка. Долго мы пробирались, одновременно разыскивая своих товарищей. Отощали, съели свои пайки, но пайки отставших не трогали: встретимся – передадим, накормим их.

Вот так-то.

Тяжелы испытания, что выпали на долю народа. Мы не хотим, чтобы они повторились. И напрасно представляют нас завоевателями, захватчиками и поджигателями войны, различного толка злопыхатели. Наш народ по натуре-своей созидатель, труженик, а не разрушитель. В лютую годину он становится воином, хлебобоб берет в руки оружие, но не затем, чтобы завоевывать чужие земли и мстить. Даже величайшее зло Второй мировой войны, в основном выплеснувшееся на нас, не ожесточило, не уничтожило добрых начал у россиян. Помнит мир спасенный, мир живой, что именно наши солдаты, не сняв пропахших кровью, потом и порохом шинелей, восстанавливали берлинское метро, пражские дворцы, мосты через Дунай... Наш народ великодушен и отзывчив на чужую беду, как отзывчивы все, кто сам перенес ее.

Нюют раны наших ветеранов войны и багряным светом горят их боевые ордена. Тем сильнее наше стремление к миру на земле, вера в человеческий разум, во всепобеждающую жизнь и труд. Вспоминаю, как ехали мы с фронтовиком Андреем Петровичем Губарем по местам партизанских боев. Он, бывший связной, дважды расстрелянный фашиста-

ми, чудом оставшийся в живых, попросил остановить машину, вышел на обочину дороги, а потом поспешил к одному из дубов-великанов, что стояли недалеко. Нагнулся, чего-то взял в руки, показал мне. То были обожжавшие остатки автоматных гильз.

– Видишь, – сказал он, – они несли в себе смерть, но истлели. Жизнь взяла верх. Ради этой жизни и не жалели себя мы. И даже кое-кто из нас пришел с того света, чтобы сделать ее вольной, свободной, красивой.

Прошла по земле война... На месте боев и пожарищ поднялись новые села и города, растут цветы и деревья. А в тихих парках и скверах, у обочин дорог, на лесных опушках встают из могил солдаты. С каменных пьедесталов, острых, как штык, обелисков смотрят они внимательно на нас и на нашу жизнь. Легко ли нам выдержать взгляд? Покойны ли души бойцов, стала ли пухом солдатам освобожденная ими от фашизма земля?

Знаю, в день лучезарной победы придет он, согбенный и седовласый, последний оставшийся в живых фронтовик моей деревни к скверу в центре села, где под мраморными плитами символически покоятся сотни не вернувшихся с кровавых полей его близких и односельчан. И я боюсь только одного, что он, обратится памятью к павшим и задаст тот же вопрос, что задал и мне при встрече неделю назад: «За что мы сражались?».

А я вспоминаю тот далекий май сорок пятого года. Ощу-

щение неизбывной радости той поры и сейчас живо в моем сердце. Белая пыльная дорога, белые платочки деревенских баб и выцветшие добела гимнастерки возвратившихся с фронта солдат. Первая общая радость, с которой несколько сотен матерей и жен, получившие в войну похоронные, хоть ненадолго, но перестали думать, что в их дом навечно пришло несчастье.

Вспоминаю соседа дядю Мишу Бонокина. Перекинув через шею солдатский ремень, подтянув к нему косовище и придерживая двумя пальцами правой руки рукоятку, косит он за деревней молодую траву. Три девочки – малолетки точат поочередно батькину косу. Дядя Миша – инвалид первой группы, у него нет левой руки и трех пальцев на правой, он ранен в живот и ногу...

Дядя Петро на дрожках везет в больницу сына Алеху. Глубокий, рваный шрам пересекает лицо бойца. Он тоже, придя с фронта домой, сразу пошел работать. И вот беда, когда заводил рукояткой трактор, рвануло ее в обратную сторону, и отлетел от машины механизатор. Он скоро умрет в сельской больнице...

Что же заставляло моих земляков и миллионы их сверстников действовать так: не кичась фронтовыми заслугами, преодолевая недуги, чуть ли не на второй день по возвращении с войны идти на поле трудовое, требующее также великого напряжения и солдатского пота.

И, размышляя в этом направлении далее, начинаешь по-

нимать суть войны народной, отечественной, в которой люди сражались не за Сталина, не за партию, а... за себя, защищали собственную национальную гордость и свои национальные традиции, хранителями и носителями которых были в первую очередь матери, деды, отцы. И видится в том великое единство народного духа, понимание всеми общего долга перед отчим краем, чем и могуча Родина, каждый человек.

Неужели же мы, ослепленные нынешними политическими баталиями и борьбой за передел власти, стали забывать об этом, вводя беспамятством в смятение стариков-ветеранов, давших нам величайший пример беззаветного служения Отечеству, государству, народу?

Опомнимся! Обретем свою историческую память, без которой невозможно существование никакой нации. Обретем согласие, крепость духа, которые держатся, как известно, на вере в святость общего дела, и тем утешим наших славных защитников Родины, самих себя. И тогда нынешний праздник Победы хоть и будет, как и всегда, со слезами на глазах, но слезами не горечи и безысходности, а светлой печали и гордой памяти.

Салют

Есть на Черниговщине село. Макошино называется. Стоит там на самом видном месте бронзовый монумент, на барельефе у которого выбиты имена и фамилии макошинцев, что не вернулись домой с войны. Много фамилий. 420. Даже по меркам сурового военного времени факт этот представляется, что и говорить, необычным. 420 человек из одного села сложили головы в боях с фашизмом.

Имена на белых плитах расположены в алфавитном порядке. Когда, читая их, приходишь до буквы «М», невольно останавливаешься: взгляд застывает на фамилии «Маглич», повторяемой несколько раз.

... Их было восемь братьев. Родились недалеко от Макошино, на хуторе Магличѐвка, названном так потому, что жил там в ту пору отец их Савва Артёмович Маглич. Когда-то он бежал сюда от великой нужды. Беда и горе до конца преследовали земледельца. Он даже умер не своей смертью: утонул в Десне во время рыбной ловли.

И «идти бы по миру» потерявшей кормильца семье, если бы не взяла её под защиту сельская община. Прасковья Кузьминична, обездоленная, бесправная женщина, получила и тягло, и инвентарь, и землю. Землю на всех едоков: восьмерых сыновей и двух дочек. А когда началась коллективизация, Прасковья Маглич первая подала заявление в колхоз.

Первая изъявила она и желание сселиться с хутора в село Макошино, которое должно было стать центральной усадьбой хозяйства.

К тому времени подросли её старшие сыновья: Федос, Николай и Иван. Активистами были братья, ходили по хуторам и станицам, ратовали за новую жизнь. И гордилась мать сыновьями, и боялась за них. Не одного агитатора лишила жизни в ту пору кулацкая пуля. Пытались свести кулаки счёты и с братьями Маглич. Тёмной августовской ночью подстерегли их около материнского дома, избили и бросили Федоса и Николая в колодезь. А Ивана пристрелить хотели, но дала осечку винтовка. Тогда бандит, как штыком, из всех сил ударил в грудь парня дулом, и упал тот навзничь в сухую дорожную пыль.

Выжил Иван. Выжили и братья, спасённые случайно проходившими мимо дома Магличей односельчанами.

Разрасталось, хорошело село Макошино. Росли, набирали силу сыновья Прасковьи Кузьминичны. Крестьянские дети – они росли хлеборобами. Они были созданы для того, чтобы сеять зерно по весне, собирать по осени золотой урожай. Но много было недругов у нашей великой Родины.

В сорок первом году братья одели шинели. Они воевали за отчий край на земле и в воздухе, на воде и под водой. По морям, наштигованным минами, ходил в бесстрашные походы Фома Савич. Храбро бились с немецкими стервятниками в небе лётчики: Кирилл, Федос, Михаил. В числе тех,

кто грудью защищал Ленинград, был танкист Николай Саввич. Отчаянно дрался перебрасываемый с одного фронта на другой миномётчик Емельян. Бесстрашно сражались пехотинцы Иван и Григорий.

Только во сне видела теперь своих соколов ясных старая мать, оказавшаяся в фашистской оккупации. Сознание, что её сновья бьют гитлеровскую нечисть, поддерживало в Прасковье Кузьминичне силы. А когда советские танки вышибли с Черниговщины разбойничью свору, пошла работать старая в полевой госпиталь, что расположился в их селе. И всё вглядывалась в лица проходивших по улице бойцов. Всё ждала встречи с родимыми.

Однажды на дворе стирала она солдатское обмундирование. Вдруг услышала над головой нарастающий рёв самолёта. Вскинула глаза – несётся краснозвёздная птица над самым её домом. Видит что-то отделилось от самолёта, упало на огород. Подбежала – лежит там серая шинель. Уткнулась лицом в неё старая, заплакала от счастья. По запаху догадалась – это одежда Федоса.

Вместе с гостинцами, сахаром и печеньем, что лежали в карманах, достала она и беленький треугольник – письмо. И узнала из него Прасковья Кузьминична, что героически бьются с лютым врагом её сыновья и что сложили головы в этой страшной битве Григорий и Кирилл. Первый погиб под Воронежем, а второго – Федос хоронил лично в пылающем городе Сталинграде.

А потом получила весточки мать от других, оставшихся в живых сыновей. Залечивал раны, полученные на Днепровском плацдарме, Емельян, лежал в госпитале Николай, контуженный, выбитый из танка взрывной волной. Заживлял ожоги выбросившийся из горящего самолёта Михаил Саввич. Второй орден Красного Знамени получил подводник Фома. А Иван вскоре явился домой сам. Больной, страдающей астмой. Давал себя знать удар дулом кулацкой винтовки.

Перед окончанием войны пришли с фронта Михаил и Николай. Израненные, иссеченные. Но сразу же взялись братья за хлеборобское дело. Работали что было сил. Да только не надолго хватило их. Тяжёлые недуги, кровавые военные раны свели их в могилу.

И всё же не совсем обездолила война старую мать. С победой вернулись её сыновья Фома, Михаил, Емельян. Два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды украшали могучую грудь моряка Фомы, отливали рубиновым огнём два ордена Красной Звезды и два ордена Красного Знамени на парадном кителе авиатора Михаила, на гимнастёрке миномётчика Емельяна блестели медали, говорящие о том, что прошёл он нелёгкий путь побед от Москвы до Берлина.

Несколько лет назад Прасковья Кузьминична скончалась. За её гробом шёл взвод солдат. На могиле солдатской матери гремел военный салют.

Лес шумит

Лес подступает к Александровке плотной стеной корабельных сосен. В любую погоду, даже в пасмурную и дождливую, от медновосковых стволов исходит желтоватый, солнечный свет. В высоко вскинувшихся к небу колючих кронах гуляет верховой ветер. Ровный, спокойный шум царит над лесными просторами. И только в осенние дни ненастья, когда по земле расплывается серый стланик-туман, сосновый бор начинает глухо постанывать, а ветер в раскидистых тёмных шапках шумит тревожно. И тогда кажется, что вековой лес прячет в себе какую-то тайну...

Идёт по лесу Елизавета Леонтьевна, и чудится ей в порывах ветра то голос Данилы, то слова Василька, ненаглядного сынку.

Нет, время и лес рассказали потом все свои тайны, а тогда, в те суровые, грозные годы, всего не знал не только он, мальчишка, но и она, от которой, казалось, у её Данилы не было ни одного не сказанного словечка.

Непросохшие дрова горели плохо. Они свистели, шипели, едкий дым от них выбивался в комнату, слезил глаза. В тёмном углу, за печкой в качке плакал ребёнок. Елизавета Леонтьевна целое утро кружилась то около малыша, то у чунков.хлопотала и думала: «Ох, Данила, Данила, какой позор накликал ты на всю родовую. Идёшь по улице – глаз не

поднять. Не диво, если б силой заставили, а то ведь сам в полицаи пошёл».

Трещат за окном мотоциклы. Со вчерашнего дня вертятся в деревеньке фашисты. Никак готовятся к облаве на партизан. Да туман, слава богу, в двух шагах ничего не видать.

Скрипнула дверь. Вошёл Данила:

– Дай, жинка, чего-нибудь поесть, как волк проголодался.

Высокий, красивый Данила садится за стол, довольно улыбается, и вроде бы совсем ни к чему ему, что думают о нём люди.

Она ненавидела его тогда. Ушла бы не задумываясь, куда глаза глядят, да только как стронуться с малышом-то?

– Гляжу я на него, – рассказывала она, вспоминая то давнее утро. – И такая досада у меня на сердце: Ишь, проголодался! Всю ночь фашистских коней пас на лесных полянах. Сдох бы ты вместе с ними. В сенцах – стук сапог, решительные, грубые шаги.

– Собирайся, Шолохов. Охота начинается.

– Где?

– А там, у Залозья, где стояночка-то у лесовиков.

Захватило дух у Елизаветы Леонтьевны. Ведь это ж туда муженёк ночью лошадей гонял!

– Дай-ка, жена, чистую рубаху по такому случаю.

Только бы сынок не прибежал домой сейчас, не увидел, как батька собирается.

Надел Данила белую с вышитым воротом рубаху, махнул

добродушно жене рукой и вышел на улицу. Кинулась к окну Елизавета и видит: стоит во дворе сынишка и смотрит с болью на лице вслед проклятому людьми и богом отцу.

Поздно вечером воротился Данила, усталый, в грязюке весь. А на другой день узнала от соседок Елизавета: не накрыли полицаи партизан у Залозья. Одни только кострища неостывшие нашли. А когда возвращались, сами в ловушку попали.

Забилось, забилось у Леонтьевны сердце. Не Данила ли упредил? Он! Как она сразу-то не догадалась? Не может же человек враз перемениться!

Война началась – Данила день и ночь на железнодорожной станции пропадал: помогал эвакуировать оборудование с городских заводов, женщин, детишек. А однажды прямо с самой передовой, из-под носа у немцев, вывез на колхозной лошади брошенную пушку и где-то в лесу припрятал. А засада у деревенского кладбища, которую устроили красноармейцы немцам? С нашими воинами тогда тоже Данила находился. Никто, кроме Елизаветы Леонтьевны, не знает этого: ни сын Василий, ни соседки. Сказать бы им, да, чего доброго, повредишь. Нет уж, лучше молчать.

...Как ни старалась отговорить Елизавета Леонтьевна, зимой Василёк устроился на работу: рубить кусты под линией связи, что проходила рядом с железной дорогой. Однажды пришёл домой какой-то весь возбуждённый, радостный. В чём дело – не сказывает. А наутро весть по селу: потерпел

крушение вражеский поезд. Кто-то повыдергал железной лапой костыли из шпал, развинтил пластины на стыке рельс и чуть сдвинул стальную колею в сторону. Важный груз везли фрицы – весь побился.

На другой неделе опять такая же история – полетел под откос гитлеровский эшелон с танками. Василия выследил провокатор, подосланный полицией в бригаду рубщиков кустарника, схватил парня, что называется за руку, когда тот во время обеденного перерыва доставал из своего тайничка большой гаечный ключ и железную лапу, которой выдёргивал из шпал костыли.

В тот же день немцы арестовали и отца, ничего не знавшего о настигшей его семью беде. Данилу отвезли в город, а сына привели в деревню.

Каратели пытались узнать, с кем он связан, по чьему заданию действовал. На глазах матери в родной хате пытали его страшно. А он только проклинал их. И ещё своего отца, который так и остался для него прислужником врага.

Младшего Шолохова расстреляли как партизана. Старший чудом уцелел.

...В краеведческом музее города Рогачева есть зал, посвящённый Великой Отечественной войне. Много интересных реликвий хранится сейчас в районном Доме славы. На одном из стендов – железная лапа и огромный гаечный ключ. Это с помощью их уничтожил три фашистских поезда паренёк из Александровки.

На стенах музея – портреты полководцев, солдат, партизан. Среди отважных сынов Родины – портрет Василия Шолохова. А рядом с ним – фотография батьки, Данилы Алексеевича, партизанского разведчика и связного.

До последнего дня своей жизни приходила сюда седовласая крестьянка Елизавета Леонтьевна Шолохова. Подолгу смотрела она слезящимися глазами на «примирённых», вставших рядом друг с другом отца и сына. Неизменно с ней находился, пока жив был, Данила Алексеевич, седой, молчаливый. Семь правительственных наград украшали его грудь. И шумел у Александровки лес. Светло, величаво, торжественно.

Дорога в Орловку

Где-то далеко-далеко, вдали от шумного города, за полями за долами, в окружении берёзовых рощ с крикливыми со-роками стоит небольшая деревушка Орловка. В сенокос там дурманят травы, ароматный дух ржаного хлеба стоит в золотую осеннюю пору; синий душистый дым плывёт из печных труб морозными зимними вечерами.

В Орловке он родился. Там и теперь стоит небольшая хатка под черепичной крышей, где ночами долго не гаснет свет и старая женщина тревожно прислушивается к полуночным шорохам: может, приедет Андрей?

Когда поздним вечером кончается гулкий рабочий день, ему так хочется оказаться в той далёкой деревушке и, устало присев за деревянным столиком, смотреть, как радостная счастливая мать торопливо будет ставить перед ним нехитрую крестьянскую снедь, а утром пройти улицей к обелиску с пятиконечной звездой, где покоятся его друзья-партизаны и где должен бы лежать и он.

* * *

Вот также мать ждала его и в ту суровую апрельскую ночь сорок третьего года. Ждала, чтобы передать сыну – связному отряда народных мстителей, что немцы готовят карательную

экспедицию, что прохвост и пьяница Степаненко, ещё до войны прославившейся в здешних краях своей подлостью, выдал Ефима Легеду, Трофима Дынника, комсомольца Ивана Садового.

Как назло в эту ночь хмурое небо просветлело, из-за клочковатых туч выкатилась луна. Андрей вышел на большак, ведущий к деревне. Теперь только поле, ровное, как ладонь, легко просматриваемое с любой точки, отделяло его от заветного дома. Но вот пройдено и оно. И вдруг резкий окрик:

– Аусвайс!

От тёмного угла отделилась зловещая тень, повторила:

– Пропуск!

– Какой пропуск? Не видишь парень с вечеринки идёт! –

Андрей засмеялся, залихватски сунул руки в карманы, чтобы под шумок выкинуть оружие в снег, но не успел.

– Руки! Руки!

Подталкиваемый в спину автоматами, он шёл под конвоем по улице родного селенья к зданию школы, где теперь размещалась комендатура. Всё здесь до боли близко и дорого. И всё осквернено. Вот вырубленный яблоневый сад, пьяные голоса полицейских у крыльца.

Дверь, ведущая во двор школы, распахнулась, и двое карателей выбросили в проём безжизненное тело. Слетевшая фуражка скользнула под ноги Андрею Губарю. И он узнал её: Ванюшки Садового.

Его втолкнули в бывший кабинет директора. Первое, что

он заметил, – рыжие усы и разъярённое лицо волостного старшины Штесселя. Раздался оглушительный выстрел, и он увидел оседавшего на пол лучшего труженика их деревни Трофима Дынника.

– А вот ещё один партизан, господин Штессель! – Это суетился Степаненко.

Рука с парабеллумом качнулась в сторону Андрея. Выстрела он не услышал. Только брызнули осколками расколовшегося солнца искры из глаз и погасли в глухой и тяжелой тьме. И откуда-то издалека донёсся звон, будто кто ударил по рельсу, привязанному к крестовине посреди их деревни, которым в довоенные годы колхозный бригадир ранним утром извещал о начале рабочего дня. Как весело, празднично было тогда в деревне! Бывало, мальчишкой встанет Андрейка пораньше и просит бригадира позволить ему ударить в рельс. Здорово это – объявлять работу. А потом бежит за деревню, к чёрной кузнице, где давно уже «орудует» отец, сильный, как Микула Селянинович. Левой рукой он держит в щипцах ярко-белый кусок металла, а правой бьёт по нему молотом. Летят искры и кажется Андрею, что это не по железу ударяет отец, а по солнечному диску. Эх, батька, батька, неужель и вправду убит ты фашистом?..

Шла по земле война.

Шли по земле солдаты.

По травмам, по топям, по первому снегу.

Вспыхивали дымные жерла орудий.

Рвались снаряды и мины
И падали на землю солдаты.

В ту ночь расстреляли шестерых. Наутро ко двору подогнали подводу. Полицейские покидали на неё трупы. Бородатый возница взял в руки вожжи, глянул на «поклажу» и оцепенел: с саней приподымался мёртвый Губарь.

На крики из комендатуры выбежал Штессель и, расстегнув кобуру, выстрелил в Андрея второй раз, в упор...

– Господин Штессель, ну что тебе до мёртвого? Отдай тело сына! – Татьяна Илларионовна, поседевшая за ночь, стояла на коленях перед волостным.

– Что ты с ним будешь делать? – спросил гитлеровец.

– Похороню у дома.

– Какие дикие нравы! – фашист поморщился и махнул рукой. – Бери.

Она осторожно, как живого, сняла с подводы «кровь горячую Андриюшеньку», положила на санки. Таял снег. Неистово трещали сороки. С крыш тяжелой слезой падала бриллиантовая капель. Цик, цик. И вдруг – или это послышалось матери? – «Пить, пить».

Она не помнила, как запыхавшись, бежала лесом в соседнюю деревню Дроздовку, где жили её родственники. Потом сама удивлялась, как это в минуту тяжёлого смятения сразу додумалась уйти из Орловки, где, конечно, же догадались бы, что сын её жив. Из Дроздовки через некоторое время она

увезла его в Куликовку, а потом другое селение. Родственники, знакомые, соседи делились с ней последним. Доставали молоко, яйца, бинты, йод. До самого прихода Красной Армии прятала Татьяна Илларионовна себя и чудом оставшегося в живых сына. Прятала и лечила. Советские танки, мчавшиеся на Запад через Орловку, сын встретил на ногах. А через месяц ушёл в районный центр – в военкомат.

* * *

Как тяжёлый сон, наплывают воспоминания, застилают глаза, болью отдаются в голове, и пуля, сидящая чуть повыше затылка, начинает скрипеть, как старое, надломленное дерево на ветру.

Нет, в ближайший выходной он оставит на время свои бесконечные дела и поедет в Орловку, к родной земле, что лучше любого лекарства лечит гудящие раны. Машина наберёт скорость, устремится к окраине, где в маленьком парке в шинели, с тяжёлой винтовкой стоит гранитный солдат, выскочит к полю, за которым раскинется старое селение Червонный партизан. Отсюда брало начало партизанское движение на Украине в далёкие годы гражданской войны, здесь действовал подпольный райком партии в годы Отечественной. Быть может, у памятника народным мстителям, что высится в центре села, встретятся они с ныне здравствующим Героем Советского Союза Николаем Дмитриевичем Симоненко,

командиром партизанского полка, вспомнят суровую молодость. Старый, седой партизан укажет рукою на родное село, утонувшее в яблоневых и вишнёвых садах и скажет:

– Не зря мы боролись.
Прошла по земле война.
На месте пожарищ, окопов, траншей
Поднялись цветы и деревья.
На небе сияет солнце,
Играют, смеются дети.
Идут по земле люди,
Летят над землёй птицы,
Солдаты лежат в земле.

И снова будет дорога, обожжённые дупла старых лип, новые посадки. И будет шуршать под колёсами галька, постреливая камешками. Притормозит на повороте шофёр, и камешки зачестят, застучат, словно автоматная очередь. И опять оживёт память.

* * *

В эту переделку они попали под Ригой. Кольцо гитлеровцев сжималось. Батарея потеряла половину своего состава. Боеприпасы были на исходе. Прервана связь со штабом полка. Трое пытались исправить линию и не вернулись. Командир отделения связи младший лейтенант Губарь глянул на

капитана Довбаша:

– Разрешите пойти мне!

Неподалёку разорвался снаряд. Лицо капитана дрогнуло. И Губарю показалось, что командир сказал: иди. Младший лейтенант метнулся в свежую воронку, из неё к ближайшему кусту. В разрывах потерялся крик Довбаша:

– Андрей! Назад!

Из-за леса выползали фашистские танки. Довбаш с тоской глянул на безжизненный аппарат. Рядовой склонившийся над ним виновато потупился, потом вдруг просиял:

– Товарищ капитан! Связь налажена!

А через минуту Довбаш увидел возвращающегося Андрея. Так же плотно рвались снаряды. Так же ловко полз по полю лейтенант. Но где-то, ещё невидимые, уже мчались навстречу фашистам краснозвёздные танки, присланные артиллеристам по просьбе капитана.

Ухнул очередной взрыв. Вместе с всплеском земли кверху взлетела сосна, под которую только что нырнул Губарь. Когда к нему подбежали санитары, Андрей неподвижно лежал недалеко от воронки, вцепившись мёртвой хваткой в зелёную запылённую траву.

* * *

Ныряет с пригорка на пригорок, петляет по полям перелескам дорога в Орловку. Бежит по ней поток весёлых ма-

шин. Свободно. Спокойно. Бежит среди них в воскресный день и скромный работяга «газик». Сидит в нём задумчивый согбенный человек, который помнит то время, когда в Орловку, как и в другие места в этих краях, пройти свободно и легко было нельзя. Этот человек пришёл «с того света», чтоб работать на этой земле, чтобы эта земля была свободной и вольной.

Петляет дорога. И чуть ли не на каждом километре тоobelisk, то памятник.

Прошла по земле война.

У пыльных дорог, синих опушек,

В шумных больших городах и тихих станицах

Стоят у могил солдаты,

Скорбя о погибших товарищах.

К ногам их несёт Отчизна

Цветы и память веков.

Поворот, ещё поворот, и вот она милая с детства Орловка. Он оставляет машину и размашисто шагает к домику с раскидистой вишней под окном. Он волнуется перед встречей. Улыбка, почти мальчишечья и немножко растерянная, сгоняет с лица суровую строгость. Нет, это приехал не высокий начальник из областного центра Андрей Петрович Губарь – приехал сын, любящий, долгожданный и ненаглядный.

Подарок невестке

И сейчас ещё не утратил стати Павел Яковлевич Марков. Голова на широких плечах сидит прямо и гордо, глаза пронзительны, походка уверенна. Каким же, должно быть, лихим молодцом был он тогда, сорок лет назад: перетянутый командирским ремнём, в отутюженной гимнастёрке с золотыми погонами офицера.

– Ну, спрашиваешь! – довольный ветеран расплылся в улыбке. – Смерть девкам!

– Героем ходил, героем, – отзывается из кухни жена его – Валентина Фёдоровна, фронтовая подруга, с которой расписался Марков в победном сорок пятом. – А вот перед свекровью, перед матерью своей, за меня и словечка не замолвил...

Я вскидываю удивлённо глаза на Павла Яковлевича: о чём это хочет рассказать супруга его? Он усмехается и помалкивает, а Валентина Фёдоровна, будто и не было до этого воспоминаний о войне, как-то уж очень по-женски говорит от печи:

– Родилась-то я в Сталинграде. Городская, выходит. А он, деревенский, привёз меня на хозяйство. У свекрови, понятное дело, да и не только у неё – у всего Горлова – ко мне отношение такое: не наша, земли не видала, работать не сможет. Загодя «Валькой-белоручкой» окрестили. А эта бело-

ручка, как пошла работать на ферму, так двадцать годиков без отпусков и оттрубила...

Эх, мать честная, думаю, уведут меня сейчас эти рассказы от намеченного пути. Приехал в семью фронтовиков подробнее узнать, а потом и другим поведать об опалённой огнем и омытой кровью молодости её – хозяин прошёл по дорогам войны от Москвы до фашистской столицы, награждён орденами Красного Знамени, Александра Невского, хозяйка с Красной Звездой, а тут откровения эти, скажем так, характера слишком личного.

Но вот осмысливаю я жизненный путь Валентины и Павла и чувствую, не могу обойти этот момент – момент возвращения их в Смоленскую деревеньку Горлово, под крышу родительского дома Марковых. Даже не дома – землянки, дом-то сожжён был фашистами. Словно речной поток о каменный выступ, спотыкаются мысли мои об этот факт настороженного, придиричиво— внимательного отношения свекрови к своей молодой невестке – фронтовой медицинской сестре, прошедшей огни и воды и медные трубы. И что всего поразительнее, той, подымавшей, бывало, под пулемётным огнём в атаку бойцов, пришлось здесь перед людьми и матерью Павла как бы заново утверждать себя. Да в принципе пришлось это делать и Павлу. Неужели кроется тут что-то такое, перед чем отступает и блекнет геройство?

И вспоминается мне возвращение моего родного дяди Кости в бабушкин дом. Возвращение с девушкой-фронтович-

кой, которую он представил родне как жену. Добрый мой дядя, боготворимый мной за ряд отливающих золотом орденов и медалей, знал ли он, что, несмотря на внешнее любезное отношение к его жене, ни бабушка, ни родня не оказывали до поры искреннего почтения невестке со стороны? А втихомолку осуждали и дядю Костю: жениться следовало ему на своей, деревенской. Вон их сколько невест-то, оставшихся без женихов.

Мне казалось тогда это каким-то особым эгоизмом деревни. Деревни нашей, глубинной и тыловой, до которой разрушительный пожар войны в прямом смысле не докатился: мы не были в оккупации. И хоть много ребят, ушедших от нас на фронт, не вернулось, хоть и тяжка была доля оставшихся работать на здешних полях женщин, детей, стариков, дух старой деревни, её моральные мерки и подходы к людям тут не сгорели в сатанинском огне зла и насилия. Но, задумываясь теперь над фактом возвращения с фронта Павла Яковлевича Маркова, я всё более убеждаюсь в том, что не только нетронутая деревня наша, но и прочёсанная, а то и вовсе уничтоженная военным ураганом земля отчая всё же сохраняла тот старый крестьянский дух, столь сильно действующий на питомцев и выходцев из тех ли, других ли мест. Будто вечными должниками своими считала деревня их. И что, быть может, покажется странным, они, воспитанники села, пролившие кровь, иссеченные в боях за народное счастье, воспринимали это совершенно спокойно и вроде бы даже с

ЧУВСТВОМ ВИНЫ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.